Пролог. Падение.

Борт частного самолета. Кабина пилота.

В кабину заглядывает стюард.

- Ну как он? - спросил пилот, не отвлекаясь от управления аппаратом.

- Все такая-же старая брюзжащая сволочь. С чего ему вообще пришло в голову в таком состоянии лететь в Голландию? И как на зло в мою смену.

- Так наоборот, нужно радоваться. Старик доживает последние дни, и активно спонсирует каждое свое желание. Лично я вышел в свой выходной за тройной оклад, и не жалею об этом. Да и каким-бы не был человек, мы, считай, исполняем его последнюю волю. Приспичило ему рвануть в Амстердам, значит есть на то причина. Может он родом оттуда, может близкий кто там живет, а может просто последний загул по шлюхам? Кто знает...

- Может ты и прав, но терпеть его омерзительное поведение все тяжелее и тяжелее. Я понимаю, что он пытается хоть как-то поднять себе настроение, но не за наш же счет. Чуть ли ни на каждое второе мое предложение он завула... завулала... за-ву-а-ли-ро-ван-но принижает мой интеллект, мою личность! П-ф-ф, - Устало выдохнул стюард. - Я настолько давно с ним не общался, что каждый раз, когда он открывает рот, мне хочется самолично завершить его страдания.

Коллеги молча наблюдали за, проплывающими где-то впереди облаками, за городом, что в вечернее время уже начал покрываться светящейся сетью огней домов, машин, фонарей. Стен, а именно так звали стюарда, наслаждался минутами тишины и покоя, пока пилот корректировал курс.

- Я не знаю, как он это делает, но он довел наших дам до желания провалиться сквозь землю, пусть мы и в тысячах метров над землей. А меня он вообще выгнал, сказал, что собирается поспать, и не хочет, чтобы на него пялилась «стюардесса в брюках».

- Может по кофе? - спросил Билл. - Я выставил курс, долетим на автопилоте. Тебе явно нужно успокоиться. Выглядишь каким-то дерганым. - Сказал Билл, повернувшись к коллеге, что продолжал стоять в проходе.

- А давай. Успокоиться действительно не помешает. Он будто питается негативными эмоциями. Как можно с совершенно спокойным лицом утверждать, что я выбрал правильную профессию, потому что люди в полете растут быстрее, что может положительно сказаться на моем развитии. А я просто хотел узнать его мнение, касаемо одной статьи, что я прочел в бизнес-журнале на кануне. Да, я не разбираюсь в бизнесе, в акциях и инвестициях, но я же просто попытался отвлечь его разговором. Это же не повод мне грубить?!

- Не надо так кричать, если ты его разбудишь, то придется тебе опять с ним общаться. Да и как-то резко ты реагируешь на него сегодня. Должен был уже привыкнуть, все-таки он далеко не первый год с нами летает.

- Ну-ну...

Тем временем, в главной части самолета, на комфортной кровати лежит пожилой человек, выглядящий весьма болезненно, но в тоже время ухоженно. Удобная шёлковая пижама насыщенного синего цвета, которая даже на вид стоит неприлично дорого. В цвет к пижаме, такое же шёлковое постельное бельё. Седые, слегка поредевшие, длинные волосы разбросаны по подушке. Измождённое, уставшее лицо, нездорового бледного оттенка, на котором отчетливо видны мешки под глазами, выражает скуку. Не удивительно, ведь уже в который раз за последние два часа его осматривают врачи. «Посмотрите вверх», «Посмотрите на свет», «Откройте рот», «Не двигайтесь» и прочие фразы его “надзирателей” уже откровенно приелись мужчине. Да, в его возрасте и с его здоровьем крайне не рекомендуется отправляться не то, что на другой конец света, но даже прогуляться на улице, из-за чего сейчас он и должен терпеть эти неудобства. Однако он ничего не может с собой поделать, ведь уже пару месяцев ему снится один и тот же сон. Стоит лишь закрыть глаза, слегка задремать, как он вновь видит Ее лицо. Она зовет его. А потому, ему необходимо отправиться в путь.

Да, он специально нанял группу медиков, закупил кучу дорогостоящего оборудования, в общем, превратил свой особняк близ Лондона в самую современную больницу... На одного человека. Да, он собирался прожить остаток своих дней в роскошном особняке, в полном одиночестве... Ну, практически в полном, ведь регулярные медицинские процедуры кто-то должен проводить. Но все это не имеет значения, когда в последние месяцы своей жизни он не может спокойно спать. Каждую ночь, каждый день, каждый раз, когда он начинает дремать, он вновь видит самого своего близкого человека. Свою ныне почившую жену, которую он никогда не забудет. После одного из таких снов он понял, что перед смертью необходимо посетить Ее могилу. Он чувствовал, что это будет его последнее желание, но все равно организовал перелет на Ее родину. Он хотел попрощаться, перед тем как они снова встретятся, уже по ту сторону. Именно из-за этого последнего желания он терпит все текущие неудобства, ведь не сможет он умереть спокойно, не попрощавшись с любимой. Да, это глупо. Да, не рационально. Но какая уже разница, ведь ему осталось, от силы, пара месяцев. Ему уже надоело. Все надоело. Алчные взгляды “сочувствующих” родственников. Жалостливые взгляды мед. персонала. Даже команда, что он держит для частных перелетов, и те смотрели на него как на побитого щенка. Но не даром он столько лет общается с “аристо”, посещает званые ужины, балы, официальные мероприятия. Нет, старость не повлияла на его разум и навыки. Он все еще способен показать человеку его место одним своим взглядом. Он все еще может послать человека так далеко, как видят его глаза, ни разу не оскорбив его. И он все еще получает удовольствие, выводя человека из себя. Последнее удовольствие, которое осталось в его жизни.

Но сегодня он явно не в форме. Грубо. Глупо. Несуразно. Однако даже неприязнь и непонимание в глазах куда лучше, чем эта проклятая жалость.

Вот, в очередной раз он закрывает глаза. Вот в очередной раз он погружается в беспокойный

сон. И вновь он видит Ее. Вот только она больше не выглядит печальной, как это бывало обычно. Теперь она рада. Она все еще зовет его, она говорит, что он уже очень близко. Она... Она говорит, что вот-вот они встретятся. Вот только что-то не так. Откуда это тревожное чувство в груди. Он пытается понять. Он пытается сосредоточиться. Но ничего не получается, он не может понять, в чем причина этих ощущений. Будто он видит сон, что постепенно превращается в кошмар. То самое чувство, что вот-вот вся картина изменится, что произойдет что-то нехорошее, что-то ужасное. Почему ее ярко голубые глаза вдруг стали черными, словно смоль. Почему кожа стала бледнее. Улыбка из милой, понимающей, постепенно превращается в хищный оскал. Ее прекрасные светлые волосы начинают темнеть. Ее ровная прическа каре постепенно превращаются в бесформенные черные локоны, что топорщатся во все стороны, словно шипы. Чувство тревоги все нарастает. Вот показались зубы. Нет больше легкой улыбки, со слегка выпирающими клычками. Есть только оскал, с белоснежным частоколом острых зубов. Почему он не может проснуться? Он никогда не испытывал подобного ужаса, но почему у него не получается очнуться? Она все продолжает смотреть на него, своими черными, как провалы в бездну глазами, она будто изучает саму его сущность, его душу. Она ухмыляется, будто охотник увидевший добычу. Ощущение, словно он загнанный зверь не оставляет его ни на секунду. Она прищурила глаза. Она открыла пасть. Меж колючек, в которые превратились ее волосы, появились красные разряды электричества. Она прыгает на него, будто грациозная пума во время охоты.

Удар. Он просыпается, получив сильный удар по голове. Сильнейшая головная боль, головокружение, тошнота. Он не мог упасть с кровати, ведь он фиксирован специально для перелета. Значит, это кто-то чем-то его ударил. Кто и чем он выяснит позже, сейчас же надо разобраться с последствиями удара. Сердце вот-вот вырвется из груди, гулкая боль при каждом стуке раздается по всему телу. Писк оборудования режет слух, усугубляя головную боль. Шум, даже грохот в ушах. Темно. Он не видит ничего вокруг, или вообще не может открыть глаз? Ощущение что весь самолет вертится и трясется. Он зовет на помощь. Почему никого нет? Почему он вообще вынужден кричать, почему слыша писк оборудования никто не мчит к нему? Что происходит? Почему проверенная команда медиков, которые работают на него вот уже семь лет, вдруг решили не выполнять свои прямые обязанности? Однако головокружение только усиливается, а вместе с ним и боль. Мимо его лица пролетает капельница. Что происходит? Капельница? Он видит ее. Значит зрение в относительном порядке. Но почему тогда так темно? Невозможно сосредоточиться на чем либо, слишком сильна боль. Сознание постепенно гаснет. Так и не успел попрощаться. Не смог...

Некоторое время назад.

По небу плывет небольшой частный самолет. На борту изображен известный всему цивилизованному миру знак: белый силуэт птицы, раскинувшей крылья, в обрамлении зеленой окружности. Знак крупнейшего заповедника, в который входят многочисленные животные, занесенные в красную книгу. Благодаря этому заповеднику имени Элайзы Скарлетт многие животные, будучи поставленными на грань вымирания смогли восстановить свою популяцию.

Для любого человека, увидевшего этот самолет вблизи будет очевидно, что принадлежит он Эрику Скарлетт, владельцу одного из крупнейших холдингов мира - «Scarlett Group». Тот самый SG, в подчинении которого крупнейший гигант оружейной промышленности «Scarlett Protection», передовой научный комплекс, работать в котором стремятся ученые со всего света, что не удивительно, учитывая ширину ведущихся исследований: от изучения животного и

растительного мира, до разработки новых архитектурных решений в микроэлектронике - «Scarlett Foundation», ну, и конечно, тот самый заповедник, который прибыли не приносит, хоть и поддерживается несколькими государствами.

Самолет уже как пару часов уверенно встал на курс, и движется с небольшим приглядом пилота. Потому, пилот не успел среагировать, когда на пути самолета появилось... Нечто. Что-то ромбовидное, похожее на искажение, посреди неба. Будто смотришь через призму, появившуюся из ниоткуда. И чем ближе самолет подлетал к этому нечто, тем больше нервничал пилот, который увидел куда они движутся слишком поздно. Это нечто не отображалось на радарх, ни один прибор его не замечал. А потому, лишь посмотрев в лобовое стекло, пилот быстро принял управление на себя. Он не понимал, что он видит, но был обязан избежать столкновения. Вот только чем ближе подлетал самолет, тем больше становился ромб. Было очевидно, что оно куда больше самолета, пилот никак не успевал сменить курс. Вместо столкновения самолет просто пролетел сквозь неопознанный объект. Только на самолете, после прохода сквозь, как оказалось, портал, остался один единственный пассажир. Единственный человек на борту, что спал в это время. Что-же случилось с остальными - не известно.

Самолет, оставшийся без пилота, даже переведенный в режим ручного управления, может продолжать полет. Естественно при условии, что тот уже вышел на курс. Может лететь до тех пор, пока не кончится топливо. Или до первой внештатной ситуации, вроде взрыва двигателей, столкновения со стаей птиц, и другими, схожими случаями. Вот только пилот уже заложил вираж уклонения. Пытаясь пролететь под непонятным ромбом, пилот опустил нос самолета, после чего бесследно исчез. Столкновение было неизбежно. Медленно, но верно, самолет шел на снижение, из-за чего его периодически потряхивало. Если-бы единственный пассажир посмотрел в иллюминатор, он был бы крайне удивлен. Мир будто потерял цвет. Пролетая над городом, он не увидел бы ни одного огня из окон домов или от уличных фонарей. Да и сам город был весь в серых тонах. Посмотрев же в лобовое стекло, он лишился бы дара речи. Они летели вниз. Но земли не было. Лишь огромное черное пятно.

Присмотревшись, он бы заметил, что земля-то была, вот только она обрывалась, а после обрыва лишь чернота, что нефтяным пятном простирается до самого горизонта. Подлетая ближе, он увидел бы, что чернота расширяется, постепенно захватывая землю. Увидел бы тварей, что поедают землю, асфальт, постройки, деревья и растения, оставляя после себя не борозды от когтей и зубов, а эту самую черноту. Причем твари эти, отдаленно напомнили бы ему его кошмар: такие-же черные иглы, топорщащиеся в разные стороны по всему шарообразному телу этой твари. Между иглами также проходят красные разряды электричества. Такой-же частокол ярко-белых зубов, и такие-же черные провалы в бездну вместо глаз. Но ничего этого он не увидел, так как именно в этот момент Элайза из его сна закончила свое преобразование, и уже готовилась к атаке. И в тот момент, как самолет должен был-бы разбиться об землю, он входит в эту черноту, будто и не было там никакой земли, а во сне Эрика Элайза совершила свой грациозный прыжок.

Оказавшись в черноте, самолет начал разрушаться. Чернота давила на корпус герметичной машины, растворяла его, словно мощнейшая кислота. Самолет крутило, он уже падал вертикально вниз, вращаясь вокруг своей оси. Естественно, что все незакрепленные предметы летали по салону, живя своей жизнью. Ремни же, которыми был закреплен Эрик, такую нагрузку выдержали без каких-либо проблем, так как именно для таких случаев, как падение с

потерей управления, они и были предназначены. Один из предметов прилетел прямо в голову Эрика, вырвав его из сна, и оставив ему неплохое сотрясение в подарок. Чернота продолжала разъедать самолет, но даже после того как она полностью растворила обшивку она не ворвалась внутрь, нет. Она продолжала постепенно растворять все детали внутреннего интерьера, медленно приближаясь к кровати Эрика со всех сторон.

Где-то, неизвестно где.

Боль. Как же больно. Почему? Я должен был умереть. Я точно умирал, я помню. Боль, головокружение, тошнота. Смятение, непонимание, страх, смирение. Так почему я все еще жив. Почему мне все еще больно. Будто плаваю в кислоте.

Почему я не теряю сознание. Почему боль не кончается. Сколько прошло? Я не знаю. Часы, дни или годы? Не понимаю.

Я привык. Привык к боли. Да, мое тело все еще будто сторае заживо. Все еще бьёт судорогой. Все еще ничего не вижу, не слышу, не понимаю. Где я? Понемногу я начал ощущать что-то кроме боли. Сначала я понял, что я падаю. Все это время я падал. Я не могу двигать конечностями, не ориентируюсь в пространстве, не понимаю: где верх, а где низ, но ощущение что я падаю не пропадает. После, помимо дикого жжения на коже, я начал ощущать холод. Будто голый стоишь посреди метели.

Я не знаю почему я до сих пор не сошел с ума. Уже много-много раз я вспоминал всю свою жизнь. Приют. Насмешки из-за рыжих волос. Первые драки. Подстава. Тогда один из старших переборщил с «запугиванием», и практически убил ребенка. Свалил все на меня, ведь я «задира», ведь я постоянно «провоцирую» драки. Ну да, провоцирую. Хожу вот мимо, весь такой красноглазый. Не важно. Первые проблемы с законом. Побег из приюта. Да-а-а, тогда я испугался, что у меня будут серьезные проблемы. Когда констебль зашел в приют, я думал, что мое сердце остановится. Я сбежал до того, как он обратил на меня внимание.

Жалею ли я об этом побеге? Думаю, нет, все-же именно так началась моя самостоятельная жизнь. Да, было тяжело, именно тогда я начал путь криминала. По началу я не воровал. Я пытался найти подработки, пытался просить милостыню, даже церковь посещал. С подработок начали выгонять, когда началась волна краж. Я не имел к ней никакого отношения, но владельцы лавок и закусочных, где я обычно убирался, мыл посуду, таскал ящики и прочее, решили не рисковать. Милостыню никто не даст, скорее уж ботинком по зубам, если будешь слишком настырным. И, как удивительно, церковь тоже не помогла «У нас и так полно голодных ртов, просто позови констебля», услышал я тогда по ту сторону двери. Когда я осознал, что еще пару дней поиска еды на помойках, и я просто не смогу самостоятельно

передвигаться, я стал пытаться воровать еду. Слава богу никто не избивал меня до переломов, когда я попался на краже. Хотя однажды я был близок к смерти, но тогда меня спасли. Повезло. Мне помогли. Обычная уличная шпана, что также, как и я пытаются выживать в этом городе. Только их много. А я один. Они отбили меня у толстяка, который поймал меня на краже. Тогда я присоединился к ним.

Мы были беспризорниками, и просто хотели выжить на улицах Лондона. До сих пор помню вонь нашей «базы», расположенной близ городской свалки. Там меня научили многому. Как двигаться так, чтобы на тебя не обращали внимания. Кому нужен хромой, кашляющий, болезненный подросток? Мало-ли что от него можно подцепить. Да, помню были неравнодушные, пытавшиеся подойти и помочь, но вонь после посещения мною нашей базы отваживала их надежней любых возможных вирусов. Как взламывать допотопные замки, как раздобыть еды, как понять кто перед тобой: зажиточный богач, которому срать на потерю кошелька, или жадный сноб, который не стерпит оскорбления в виде кражи и потратит в десятки раз больше, лишь-бы найти вора, как общаться с «авторитетами», а точнее, как не получить пулю в лоб, если вдруг ко мне обратятся.

Славное было время. Тогда же я и получил шанс. Шанс перестать ночевать на свалке, шанс стать кем-то. Помню, как пришел солидный мужик в шляпе и костюме, человек одного из «авторитетов». Пустяковое дело. Прийти ночью в порт, вскрыть ящик, забрать одну единственную коробку, принести в указанное место. Было просто. Было БЫ просто, если бы не засада на месте назначения. Выучили меня славно, дело провернул быстро, а потому было время на разведку конечной территории, и если бы не выработанная годами паранойя, то свобода моя там бы и окончилась. А то и не только свобода.

Коробку скрыл в одном из личных тайников, вернулся на базу. Доложил своим старшим, те сказали ждать. И действительно, пришел другой дядя от того-же «авторитета». Груз должен был доставить другой человек, категории куда выше, чем обычный уличный беспризорник. Однако крыса решил сдать груз властям, подставив «авторитета», а я – расходник. По начальному его плану, меня должны были замести прямо в порту, получив наводку на нужный контейнер. Однако он подстраховался, на случай если у меня все-же получится вынести груз. Новый посредник, разобравшись в ситуации, забрал коробку и ушел. Понимая, на сколько я был близок к завершению свой жизни, я думал выйти из дела. Собрать все свои накопления и покинуть город. Однако, посредник, который вновь вернулся спустя пару дней, разубедил меня. Он пришел забрать меня. Сказал, что «авторитет» благодарен за мою осторожность, пусть о нем я думал в последнюю очередь. Что даже добыть саму коробку – было делом уровня явно выше уличной шпаны. Меня «приглашают» на «собеседование». Естественно отказ не принимался. Так я вошел в более высокую лигу.

Обучение владению оружием, как холодным, так и огнестрелом, постановка речи, обучение полноценному взлому, не только допотопных навесных замков, но и полноценных квартирных и сейфовых. Много нового я узнал, многому научился. Перевозки оружия, наркоты, войны банд. Время я проводил крайне динамично. Первое убийство. Было тяжело, но сильно я не горевал. Либо он меня, либо я его. Точнее их, редко какие перестрелки проходили один на один. Тогда я же встретил ее. Свою первую и последнюю любовь, что была дочкой одного из аристократов, с которым работала наша банда. Элайза Майлз. Низенькая блондинка, с первого взгляда на которую меня будто прошибло молнией. Надменная, холодная, высокомерная. Одним взглядом показывает, что пора бы мне вернуться на свалку.

Я добился ее. Банальная история спасения. Господи, как же это было глупо. Я услышал разговор своего босса по телефону. Я услышал, что ее похитили, чтобы надавить на ее отца. Ха, он даже место озвучил. Дурак. Да, я дурак. Рванул сразу как все осознал. Только после мне было очевидно, что это было озвучено для меня. Босс хотел своего человека, возле дочки аристо. Да и реакцию мою он просчитал. Влюбилась ли она в меня, после спасения? Ни разу. Но начала смотреть как на человека. Ее отец запросил меня как охрану в его особняк. Естественно, как одного из многочисленных охранников. Не знаю зачем это было ему. Может в благодарность за спасения дочки, решил вытащить меня из банды, дать пожить «красиво». Может по каким-либо иным соображениям, но общался с Элайзой я почти каждый день. А дальше дело техники. Я добился ее.

Ее отец, кстати, был одним из немногих аристократов, кого можно было-бы назвать адекватным. Как никак Элайза, по факту, бастард. Он узнал о ней только спустя пару лет после ее рождения. Когда умерла ее мать, по завещанию, она должна была быть представлена ее отцу. Да, ее мать скрывала от нее тот факт, что ее отец – богатый лондонский аристократ. А с ним она и подавно не могла связаться – простая владелица кафе в Амстердаме не может иметь подобных связей.

Свадьба. На заработанные деньги открыл легальный бизнес – оружейное дело. Используя связи с аристо, смог получить контракт с государством. Для проектирования оружия, я собирал талантливых инженеров по всей Англии. Да и сам чему-то научился. Развитие фирмы. Расширение. Привлечение новых кадров, уже со всего мира, разработка новейшего вооружения. Жизнь наладилась. Постепенно мое дело обретало мировое имя. Семейная жизнь также не стояла на месте. Первая беременность, рождение наследника. Да-а-а, счастливые были времена. Жаль, что длились не так долго, как хотелось-бы.

Резкая боль в глазах прервала цепочку воспоминаний.

К боли по всему телу я уже привык, и кажется даже не чувствую ее. Чувствую дикий холод, который заменил собою боль. Жаль, что тело не немеет от ТАКОГО холода. Этот холод вызван явно чем-то потусторонним, я чувствую его не столько телом, сколько чем-то внутри меня. Может ли быть, что именно так ощущается душа? Да уж, чтобы со мной не происходило, я рад что процесс хотя-бы не стоит на месте. Это дает надежду, что рано или поздно все закончится.

Резь в глазах повторилась, в этот раз сильнее. Кажется, я что-то видел. Хотя я уже привык полагаться только на свое воображение, находясь в полной темноте. Ни звуков, ни света. Только ощущение холода, боли и падения. Я не испытывал даже голода, как и нужды поспать, или сходить в туалет.

Еще один приступ, будто раскалённые иглы вонзают в зрачки. И вот, боль прошла, по крайней мере в глазах. Пришло осознание. Я все это время видел, просто не мог разглядеть. Как когда только заходишь в темное помещение, и не видишь ничего кроме тьмы. Но стоит глазам привыкнуть, как ты можешь разглядеть очертания предметов в комнате. Так и сейчас. Я все еще не понимаю где я, и что происходит вокруг, однако могу хотя-бы видеть. Кругом все еще темнота, но теперь она неоднородна. Некоторые части темнее. Они формируются в странные ленты, что постоянно двигаются вокруг меня. Или, это я пролетаю мимо них? Чем дольше я их разглядываю, тем больше я могу увидеть. Они неоднородны внутри. Будто в них что-то

двигается. Может это не ленты, а что-то вроде труб?

Что это мне дает? Абсолютно ничего. Я бы попробовал подобраться к одной из них, но я не могу пошевелить ни руками, ни ногами. А точнее я их вообще не ощущаю. Не могу двигать конечностями, а может и могу, но не чувствую этого, но при этом отчетливо ощущаю, что конечностям холодно. Бред какой-то. И то что я теперь вижу эти ленты никак не влияет на все остальное. Я все также не вижу ничего кроме них. Даже своего тела.

Не вижу окончания ни одной ленты. Так. Только сейчас понял, что я вижу все ленты вокруг меня. Разом. Либо я обрел сферическое зрение, либо это вовсе и не зрение. Неизвестно. Что-же, мне остается только ждать. Я ничего не могу кроме как мыслить и «смотреть» по сторонам. Может что-то еще произойдет, и я «увидю» больше в своем окружении. А может я все-же упаду в одну из этих лент и «увидю» то, что находится внутри них. Забавно, я пролетел уже несколько десятков лент, и не «увидел» ни одного их пересечения. При этом не все они расположены параллельно друг другу, а одна даже расположена практически по направлению моего падения. Собственно, ее я внимательно все это время и «рассматривал». А может ли быть так, что я сам нахожусь в одной из таких лент? Может. Все может быть, ведь я абсолютно ничего не знаю о том, где я нахожусь, и почему я здесь нахожусь.

Ну и пусть, все равно в моем текущем положении ничего не изменить. Зато я могу снова и снова проживать свои счастливейшие дни. Да, за то время что я нахожусь здесь, единственным моим развлечением является моя память и мое воображение. Я просматриваю раз за разом свою жизнь, будто кино. Однотипное, уже сотню раз надоевшее, единственное кино.

Самые радостные года моей жизни. После рождения первенца жена долго оправлялась. Роды прошли тяжело, однако и я более не безымянный бедняк. Я оборудовал ее палату прямо в нашем особняке. Я нанял штат врачей, дабы заботились о ней, и наблюдали за ребенком. Я проводил в ее палате-комнате почти все свободное время.

В конечном итоге Эля пошла на поправку. Я был безумно рад. Однако, некоторое время после полного выздоровления она ходила крайне задумчивой. На вопросы не отвечала, говорила, что обдумывает мысль, и когда придет к каким-либо выводам, тогда и поделится.

Что-ж. Она задумалась о вечном. О том, что если вот прямо сегодня она умрет, то никто и не вспомнит о ней. Она думала о том, что может сделать полезного, что бы люди ее помнили. Так и появился ее заповедник. Началось все с ботанического сада. Да, она просто хотела сохранить редкие растения. После, докупив территории, она занялась созданием полноценного заповедника.

Как в воду глядела. После рождение второго ребенка, дочки, она отходила от родов еще дольше. В этот раз я подготовился лучше, куда более современное оборудование, лучшие врачи. Однако не сильно это и помогло. Да, состояние было стабильным, однако о выздоровлении и речи не шло. Но я не отчаивался, открыл НИИ, пытался анализировать ее состоянии, пытался найти решение. Нанимал лучших ученых, фармацевтов, медиков, химиков. Многих. Когда решение не было найдено, я начал искать вообще везде... Физика, технологии, кибернетика, биология, растения, животные. Вот и пригодился заповедник. Что-ж. Тогда мы и

расстались. Она умерла, спустя пятнадцать лет брака, подарив мне сына и дочку. Я был разбит. Не замечал детей, не уделял им должного внимания, оставив их воспитание на гувернанток. Развивал свой бизнес. Не забросил НИИ, доведя его до полноценного комплекса, работающего во многих направлениях. Но больше всего времени я уделял Заповеднику. Да, именно с большой буквы. Собирал зверей со всего мира, используя новые технологии, разработанные в моем научном комплексе, создавал различные климатические зоны. Я был готов потратить все свободные деньги, чтобы увековечить Заповедник имени моей любимой. Чтобы имя его знали во всем цивилизованном мире.

Очередная вспышка боли вновь отвлекла меня от воспоминаний. Хм, я слишком сосредоточился на своих воспоминаниях. Я... Я действительно влетел в один из потоков. Вот только я все еще не понимаю, что это. Сейчас я будто врезался в какую-то жесткую оболочку, и меня постепенно затягивает в нее. Вот, я увяз уже на половину. Не знаю есть ли у меня тело, но то, чем я вижу, наполовину видит внутреннюю часть потока, и наполовину внешнюю. Внутри ленты много каких-то темных шаров. Меня передернуло. Я вновь начал ощущать ужас, как от того сна, после которого кончилась моя жизнь, и началось мое падение. Я так и не забыл его, несмотря на несчётное количество времени что я провел здесь. Между этими шарами иногда мелькали красные молнии, а некоторые шары, которые были явно больше остальных, были покрыты небольшими колючками. Я чувствовал, что мне здесь не рады, но двигаться я все еще не мог. Меня продолжало тянуть в поток.

И вот, я внутри. Подхваченного «течением» меня несет вперед. Все еще ощущаю тот ужас. Смотрю на окружающих меня созданий, и четко понимаю, что они живы. И что они меня чувствуют, но не понимают, почему я здесь. Я также понимаю, что они, как и я, не могут двигаться. Они, как и я, могут лишь плыть по течению. Не имею ни малейшего понятия, куда принесет меня этим течением.

<http://tl.rulate.ru/book/69663/1855633>